

УДК 821.161.1;82.0

Л.К. ОЛЯНДЭР,
*доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой славянской филологии
Восточноевропейского национального университета
имени Леси Украинки (г. Луцк)*

РОМАН И.С. ТУРГЕНЕВА «ОТЦЫ И ДЕТИ» В АНАЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ О.В. БОГДАНОВОЙ (О ДИСКУРСЕ ПЕРВОЙ ЧАСТИ СТАТЬИ)

Исходной позицией, с которой утверждается правомерность и актуальность постановки проблемы – специфика аналитического дискурса О.В. Богдановой – служит основополагающая мысль: важно не только то, *что* написано, но и *как* написано. Доказано, что концентрированность внимания на логике изложения и на его форме является необходимой для прочтения литературоведческих текстов – особенно интерпретационных. Подчеркнута близость богдановских методологических подходов к анализу текста художественного произведения к методологии А.В. Чичерина, к его алгоритмизации. Акцентируется в анализе О. Богдановой четкое прослеживание единства слова и образа, образа и композиции, композиции и идей тургеневского текста. Указывается на частичное применение методов, которые не являются сугубо алгоритмическими. Устанавливается осуществление О. Богдановой приема *размышления* (Пол Фейерабенд), благодаря чему раскрываются не только *подтекстовые*, но и *затекстовые* смыслы.

Ключевые слова: алгоритмизация, деструкция, дискурс, подтекст, затекстовые смыслы, коды, ракурс, система образов, текст.

Он вечно тот же, вечно новый.
Александр Пушкин. Отрывки из путешествия Онегина.

Статья О.В. Богдановой «“Кто тут прав, кто виноват <...> решить не берусь...”: “Отцы и дети” И. С. Тургенева», являясь шестой статьей / главой в монографии «Современный взгляд на русскую литературу XIX – середины XX вв.» (2017), в силу своей завершенности может рассматриваться и как автономное исследование тургеневского романа.

Статья эта делится на две неравномерных по объему части. Каждая из них, с одной стороны, отличается целостностью, которая может существовать отдельно; с другой – обе части находятся в сложной взаимосвязи. Здесь не наблюдается простого продолжения содержания первой части во второй, нет и линейного развития авторской концепции, но есть соотносительность основных узлов текста в обеих частях. В то же время дискурс каждой части обладает обоснованными своей задачей особенностями, не нарушающими, однако, гармонии общего стиля. Первую часть можно условно определить как постановку О. Богдановой вопроса об истинной природе конфликта, положенного в основу романа «Отцы и дети», и историко-теоретическое обоснование правомерности новой концепции, а также рассмотрение причин возникновения ошибочной его классификации. Вторая часть статьи – анализ путей воплощения социального конфликта на всех уровнях художественной системы романного текста. Отсюда и цель предпринятого исследования состоит в том, чтобы раскрыть некоторые специфические стороны богдановского аналитического дискурса в первой части статьи «“Кто тут прав, кто виноват...»».

Известное положение, говорящее о необходимости знать не только то, что написано, но и то, как написано, является в равной мере основополагающей для прочтения и худо-

жественных, и научных текстов, в том числе литературоведческих – особенно интерпретационных. Ведь мысль реципиента, будь то критик, историк или теоретик литературы, возникнув – точно искра от встречи кресала с кремнем – из столкновения мировоззренческой модели действительности с моделью художественной, реализуется непосредственно через специфику дискурса.

Методологические подходы О.В. Богдановой к анализу текста художественного произведения сближаются с методологией, алгоритмизацией А.В. Чичерина, последовательность эвристических действий которого рассмотрена И. Козликом на материале чичеринской монографии «Стиль лирики Тютчева» (1975) [7, с. 48–56]. Сказанное подтверждается уже тем, что в ее анализе отчетливо прослеживается «единство слова и образа, образа и композиции, композиции и идей поэтического текста» [7, с. 20]. Конечно, понятие поэтический текст прежде всего соотносится с концептуальной богдановской статьей «“Наше описание вернее...” (А. С. Пушкин): образы Петра и бедного Евгения в “Медном всаднике”». Однако оно с полным основанием применимо и к творчеству И. Тургенева, все тексты которого – не только стихи в прозе – всегда отмечаются особой поэтичностью в той или иной степени. Не случайно же В. Набоков отмечал «музыкальность его прозы», называя писателя «великолепным живописцем “музыки и ночи”» [9], а статья об И. Тургеневе И. Франко, по словам Л. Фризмана, «буквально пронизана плещущими эмоциями, выражающими себя в обилии метафор и сравнений, восклицательных предложений и риторических вопросов» [13, с. 314].

В то же время исследовательница по мере необходимости избирает и другие методологические подходы, которые задействует в их взаимодействии, синтезе и дополнительно (О. Богданова). И прежде всего необходимо остановиться на герменевтическом методе, ибо уже с первых же строк статьи «“Кто тут прав, кто виноват <...> решить не берусь...”: “Отцы и дети” И.С. Тургенева...» текст романа предстает как проблема, разрешение которой требует выхода за его пределы, привлечения новых знаний и выбора нового ракурса, призванного не только обнаружить добавочные скрытые смыслы, но и интерпретировать по-новому те, которые уже рассматривались литературоведением. В связи с этим новый ракурс видения романа «Отцы и дети» представлен О. Богдановой одновременно в традиционной и обновленной формуле / парадигме:

воспринималось так – но воспринимается иначе.

И тут О. Богданова, которая опирается на современные методологи, не одинока. Сходный путь избирает, например, и Л. Фризман в «В беседе автора с читателем», структурируя свой дискурсивный ход и тем подчеркнуто обосновывая свое диалогическое положение к принятым концепциям по принципу: Да – да – Но: «Да, Шевченко – это вершина... Да, Франко уступает Шевченко... Но он ведь...» [13, с. 4]. Типологичность богдановской и фризмановской конструкций изложения магистральной мысли очевидна, что не является случайным совпадением: это одна из форм, отражающая особенности мышления современного исследователя и специфику его отношений к устоявшимся представлениям.

И такой подход вообще характерен для О. Богдановой. В доказательство только несколько примеров из ее монографии «Современный взгляд на русскую литературу XIX – середины XX вв.»:

«К настоящему времени сложилась устойчивая, уже более чем вековая традиция восприятия пьесы А.С. Грибоедова “Горе от ума”... Однако сегодня...» [3, с. 6];

«В отечественном литературоведении сложилась традиция восприятия поэмы А.С. Пушкина “Медный всадник”... Другое дело...» [3, с. 46];

«Традиция восприятия рассказа “Ионыч”... Между тем...» [3, с. 252–253];

«Привычно думать, что в интерпретации пьесы М. Горького оснополагающей является парадигма... Однако анализ текста...» [3, с. 360].

Это сохраняется и в последующих богдановских работах. И только-только опубликованная статья – «Самый любимый рассказ А.П. Чехова (“Студент”) – строится за той формулой:

«Сложилась устойчивая традиция рассматривать ... Традиция подобной трактовки продолжается и в современном литературоведении... Однако сомнения все-таки возникают...» [2, с. 3–4].

Однако у О. Богдановой есть своя особенность, заключающаяся в систематичности. Она состоит в том, что избранный исследовательницей способ введения в тему представляет собой своеобразный рефрен, который служит методологическим ключом к разрешению проблемы, поставленной или в главе монографии, или в отдельной статье, ключом, призванным акцентировать в классическом художественном тексте его «неустаревающую новизну и свежесть в новом ракурсе» [3, с. 6]. Ведь, присмотревшись внимательно к богдановской формуле / парадигме, нетрудно заметить, что она хромотопична: благодаря ей художественный текст, в данном случае роман «Отцы и дети», функционирует в сознании реципиентов, пребывающих в изменяющемся временипространстве (М. Бахтин), где «пространство измеряется временем» [1, с. 122]. Иными словами, произведение живет и воспринимается разными поколениями в разных исторических ситуациях, характеризующих различные эпохи, во временном отрезке с обозначением направлений движения: от времени реципиента ко времени автора, и от времени автора ко времени реципиента. Истина проявляется в точке слияния этих потоков. И тут интерпретационная позиция О. Богдановой согласуется с позицией С. Бурого, точно охарактеризованной его сыном – Д.С. Бурого:

«С.Б. Бурого считал, – пишет он, – что понять литературное произведение можно лишь прочитав его как бы изнутри, устами автора, принимая во внимание и контекст авторской эпохи, и тот, в котором сбывается судьба читателя» [4, с. 70].

Однако решить эту непростую задачу невозможно, если не использовать «методы, которые, не являясь «занятием сугубо алгоритмическим», «обнаруживают» у О. Богдановой «некодифицируемое мастерство, приобретенное ей в личном опыте» [См.: 8], если не прибегать к такому приему, как размышление. Пол Фейерабенд безусловно прав, высказывая в своей книге «Против метода» значимую по своей продуктивности мысль:

«...нужно осуществить хотя бы небольшое размышление, и осуществить его хорошо, и лишь потом обращаться к рассмотрению даже самого простого исторического факта» [12, с. 132].

Следует отметить, что все эти методы успешно применяются исследовательницей как вспомогательные, ибо ее анализ в своей основе носит академический характер, отличаясь строгой логичностью и четкостью системного рассмотрения единства слова и образа, образа и композиции, композиции и идей в художественном тексте. И чтобы проникнуть в логику дискурса О. Богдановой, необходимо соблюдать строгую последовательность в прослеживании развития ее мысли. Вот почему, на наш взгляд, приступить к изучению смыслообразующей функции богдановского дискурса в статье «“Кто тут прав, кто виноват <...> решить не берусь...”: “Отцы и дети” И. С. Тургенева» – целесообразно с интерпретации названия, подходя к нему как самостоятельному и самодостаточному тексту, и только затем – обратным чтением (Н. Гей) – вернуться и осознать всю полноту смыслов, закодированных в нем. Но уже и при беглом взгляде становится очевидным, что название статьи, во-первых, акцентирует позицию самого писателя. Во-вторых, оно заставляет реципиента задуматься над вопросом: почему О. Богданова, обосновывая более глубоко и разносторонне природу возникшего социального конфликта, не отбрасывает тургеневское понимание как ошибочное, а фактически призывает понять его. Ведь, дав такое название, она прежде всего побуждает реципиента подойти к размышлениям И. Тургенева по-гадамеровски, т. е. понять его как Другого, прояснить себе его точку зрения с целью, чтобы затем развернуть и системно доказать свое видение, но при этом тщательно установить все те смыслы, которые вытекают из самой художественной системы романа.

О. Богданова понуждает не просто принять как привычно установленное, но задуматься над убеждением И. Тургенева, искренне считавшего, что конфликт, который раскалывал общество, возник между поколениями. И реципиент невольно – уже в своих размышлениях, но идя в русле рассуждений О. Богдановой, – начинает искать добавочные сведения о причинах, приведших писателя к такому его пониманию. Внимание невольно приковывается к письмам И. Тургенева, адресованным Ф. Достоевскому [11, с. 333–334] и К. Случевскому [11, с. 339–341], где он выражает желание, чтобы читатель полюбил База-

рова таким, каким он есть, и понял бы его как личность трагическую. О. Богданова не дает забывать, что И. Тургенев в своем видении путей разрешения конфликта был близок к Николаю Петровичу Кирсанову, причисляя тем самым себя к поколению отцов. Поэтому он к Базарову психологически относился в определенном смысле как к сыну, которого, с одной стороны, понимал и любил, а с другой, расходился с ним. Для него Базаров действительно был представителем другого поколения. И не случайно все названные в тексте статьи писатели из окружения И. Тургенева, к которым он встанет в оппозицию, были намного моложе его: с 1826 г. рождения М. Салтыков-Щедрин, с 1828 – Н. Чернышевский и Л. Толстой. А вот Н. Добролюбов – с 1836 г. Эта дата позволяет И. Тургеневу даже почувствовать отцовскую боль, сознавая трагическую участь Базарова. Нельзя забывать и то, что не только для И. Тургенева – О. Богданова подчеркивает это, – но и для его современников «появление слова “нигилизм” на первых же страницах романа было прямым указанием на связь образа Базарова с личностью Добролюбова» [3, с. 206]. И добавляет:

«Однако ранняя смерть критика-демократа (в 1861 г.) внесла коррективы в создаваемый Тургеневым художественный образ» [3, с. 206].

А строки из письма П.П. Борисову от 11 декабря 1861 г.: «Я пожалел о смерти Добролюбова, хотя и не разделял его воззрений: человек был даровитый – молодой... Жаль погибшей, напрасно потраченной силы» [3, с. 206], – свидетельствовали о глубине и искренности тургеневского переживания. Все это получает обоснованное развитие непосредственно в самом тексте романа. Однако понимание И. Тургенева как человека – это только одна сторона вопроса и даже не основная. Главным является раскрытие И. Тургеневым-художником истинной природы конфликта через прочтение текста «Отцов и детей» с учетом достижений современного литературоведения. Отсюда следует, что в главе / статье О. Богдановой «“Кто тут прав, кто виноват <...> решить не берусь...”: “Отцы и дети” И.С. Тургенева» после анализа содержания ее заглавия, которое прочитано как самостоятельный и даже самодостаточный текст, следующим этапом должно быть не менее детальное рассмотрение, на первый и поверхностный взгляд, обычных и, кажется, типичных начальных двух абзацев. И хотя говорят, что первое впечатление самое верное, в этом случае оно себя не оправдывает, ибо оба абзаца таят в себе обширный затекстовый смысл, который говорит о том, что новый ракурс прочтения тургеневского романа является знаковым явлением нового времени – времени конца XX в. и 2010-х гг. века XXI.

Чтобы пояснить это положение, для начала приведем отрывок этих абзацев, выделив курсивом слова / коды, раскрывающие пути к затекстовому смыслу:

«События, изображенные в романе “Отцы и дети” И. С. Тургенева, охватывают период 1859–1860-е гг. Работа над романом была завершена в 1861 г. В марте 1862 г. “Отцы и дети” появились в журнале “Русский вестник”.

Название произведения “Отцы и дети”, броское и яркое, афористически эмблематичное, ставшее почти мировоззренческой формулой...» [3, с. 202].

Уже сама концентрация внимания на этих фактах наводит на мысль о необходимости не только осознания самоценности человеческого Я, но и шаги к ее реализации. А это, в свою очередь, заставляет задуматься над не случайностью обозначения основных трех хронологических узлов переломной эпохи середины XIX в.: 1859–1860-е (время перед реформой) – 1861 г. (время реформы) – 1862 г. (время пореформенное). Так акцентированы автором периоды трех состояний не только в обществе (социальных и экономических), но и мире духовном, когда из русской ментальности начался длительный процесс выдавливания из себя по капле раба. Это все косвенно указывает на тургеневскую мысль как предвращение к мысли А. Чехова, высказанной им в письме от 7 января 1889 г к А. Суворину:

«Напишите-ка рассказ о том, как молодой человек, сын крепостного, бывший лавочник, гимназист и студент, воспитанный на чинопочитании, целовании поповских рук, поклонении чужим мыслям... выдавливает из себя по каплям раба и как он, проснувшись в одно прекрасное утро, чувствует, что в его жилах течет уже не рабская кровь, а настоящая человеческая» [14, с. 133].

О. Богданова понуждает своего современного ей информативного читателя вспомнить истоки путей человека к личной свободе. Здесь уместно будет вспомнить замечательное признание Б. Егорова, сделанное им в книге «От Хомякова до Лотмана» (2003) по иному поводу, но по смыслу соотносящееся с ходом размышлений, вызываемых дискурсом О. Богдановой, признание, в котором содержится ориентир для адекватной реакции на рецепции художественных текстов, возникших в ту или иную эпоху:

«Пусть читатель увидит исторические прикрепленности и исторические возможности наших трудов ушедших лет, пусть увидит, как мы старались в весьма лживое время быть максимально правдивыми» [6, с. 8].

В егоровском фрагменте обращает на себя внимание словосочетание: исторические прикрепленности и требует над ним задуматься, ибо по своей функциональности они как обозначение явления разнонаправленны и могут указывать и на ограничения, и на акцентирование тех или иных моментов в тексте. Воздействие исторических прикрепленностей, результат этого воздействия неоднозначен. Ограничения иногда способствуют и новаторству.

По аналогии можно сказать, что тургеневское понимание сути конфликта было вызвано именно его исторической прикрепленностью, которую он преодолевал как художник, чье видение правды действительности опережало понятийное осмысление ее явлений. И дискурс О. Богдановой, которая, идя своим путем, формирует представление о значимости исторической предопределенности, определяющей мировоззренческие понятия. Исследовательница ненавязчиво, но последовательно активизирует смыслообразующую роль временной дистанции: от времени написания произведения и восприятия его сразу после выхода из печати до иного времени восприятия, в котором находится реципиент, напоминая при этом, что «большое видится на расстоянии» (С. Есенин):

«Понадобилось “расстояние”, – пишет О. Богданова, – чтобы позднее определить сложившийся в середине XIX в. конфликт как борьбу идей западничества и славянофильства, репрезентуемый (главным образом) представителями различных слоев» [3, с. 2].

В определенной мере не только заглавие, но и первая часть является своеобразным претекстом, показывающим, что не все стороны во многоаспектном тургеневском романе были актуализированы – сначала критиками-современниками И. Тургенева, а затем литературоведами последующих эпох. Но к XXI в. пришли иные времена, оказывающие влияния на сам тип литературоведческого мышления, времена, помогающие обнаружить порой, казалось бы, неожиданные грани романного содержания.

И не случайно после двух абзацев с их экономическим-политическим-историческим-философским-социальным подтекстом – вдруг! – истина явилась

вместе с настораживающим: «Между тем текст романа обнаруживает...» [3, с. 202]. А вслед за ним акцентно подчеркивается, что на уровне художественном Тургенев, найдя почву сближения «отцов» и «детей», построил роман на конфликте сословий, на их мировоззренческих позициях, на тех противоречиях, которые привели к революционным катаклизмам в 1848 г. [См. 3, с. 203–294]. Через тщательный структуральный анализ текста с элементами деконструктивизма О. Богдановой – а в ее поле зрения находятся даже романские знаки препинания – удастся обнаружить те структурные соотношения в образной системе романа И. Тургенева, которые ранее не замечались. И выяснилось, что «...конфликт “отцов и детей”, как казалось ранее, долженствующий быть воплощенный в парах

Кирсанов-отец ↔ Кирсанов-сын
Кирсанов-дядя ↔ Кирсанов-племянник
Базаров-отец ↔ Базаров-сын
и получивший реализацию в романе посредством пары
Кирсанов-дядя ↔ Базаров-сын
теперь предстает в ином виде
Кирсанов-сын ↔ Базаров-сын

тем самым переводя понимание сути конфликта из ракурса возрастного в сферу социальную, из столкновения между отцами и сыновьями, в схватку между сыновьями, представляющими социальные слои российского общества 1850–1860-х гг.» [3, с. 227].

Своеобразие дискурса О. Богдановой, особенно проявляющееся и во второй части статьи, состоит том, что она, как правило, не вступает в открытый диалог с предшественниками, а, конкретизируя их позиции в подстрочник, предоставляет это сделать информированному читателю. Сама же исследовательница ограничивается замечанием: «Между тем текст романа обнаруживает...». Но в то же время она с большим пиететом относится к концепциям таких ученых, как В.М. Маркович, предлагая в подстрочнике читателю сравнить свое видение системных отношений образов в романе с видением, казалось бы, «прочно» устоявшимся:

«Ср.: “Система персонажей тургеневского романа <...> строится по принципу Солнечной системы”. Большинство персонажей группируются вокруг Базарова <...> Сходной точки зрения придерживается и В. М. Маркович...» [3, с. 207].

Однако ограничиться только этим замечанием, подчеркнув лишний раз стимулирующую роль методологии О. Богдановой в мыслительном процессе реципиента, недостаточно. Важно обратить внимание на то, что исследовательница осуществила своеобразную деконструкцию тургеневской образной системы, сопоставляя свое видение внутренних соотношений в образной системе романа «Отцы и дети» с видением предыдущим, представленным в т. ч. и В.М. Марковичем в его статье «Роман И.С. Тургенева “Отцы и дети”» (2008). Так между текстом и подстрочником возникла игра, в результате которой, с одной стороны, отчетливо проявился новый аспект содержания романа, отвечающий на запросы нынешнего дня, а с другой – последовало напоминание, что роман назван «Отцы и дети», а не «Базаров», как должно бы быть, если считать, что текст сконструирован по модели солнечной системы. Но это уже тема другой статьи. Здесь же надо обратить внимание на вопрос: уходит ли из тургеневского романа проблема отцов и детей?

Внимательное прочтение О. Богдановой тургеневского текста убеждает в том, что нет, однако ее суть, ее острота проявляется во всей своей сложности. Очевидно, что в словосочетании: отцы и дети – союз и предстает одновременно как противительный, так и соединительный. Соединительный, потому что это природная, генетическая связь, это целостность, имя которой народ, на определенном этапе своего развития; противительный потому, что раздел общества, вызванный социальным конфликтом, отражающим эпохальный кризис, проходит не между поколениями, а через поколения отцов и детей. Богдановский анализ убеждает в том, что глубинный реализм романа И.С. Тургенева «Отцы и дети», обнажая диалектику поступательного хода русской истории, всю остроту борьбы противоположностей, выражает специфику противостояний в пореформенную пору 60-х гг. XIX вв.

Кроме того, дискурс О. Богдановой выводит мысль реципиента за границы романного текста, направляя ее в сторону философского осмысления взаимодействия вечной проблемы отцов и детей – без привычного упрощения и чрезмерной публицистичности и политизации – с проблемой кризисных ситуаций в развитии общества не только в прошлом, но и в настоящем. Иными словами, возникающие аллюзии, связывающие далекое историческое прошлое с жизненными коллизиями современности, актуализуют содержание тургеневского романа, помогая найти ответы на запросы дня нынешнего. Одновременно богдановский дискурс преподносит и уроки литературоведческого анализа уже только тем, что настраивает на крайне бережное отношение к тургеневскому тексту. И в этом отношении он, несомненно, продолжает лучшие традиции Петербургской филологической школы. Именно такой подход дает возможность осознать особую жизненность романа И. Тургенева «Отцы и дети», который лучше всего характеризуется пушкинской строкой: «Он вечен тот же, вечно новый» [10, с. 207].

В завершение следует подчеркнуть, что статья «Роман И.С. Тургенева «Отцы и дети» в аналитическом дискурсе О.В. Богдановой» написана и к постановке проблемы – особенности смыслообразующей роли дискурса в литературоведческих жанрах. На сегодняшний день эта проблематика почти не разрабатывается. А между тем необходимо осмысление

дискурсов прежде всего корифеев науки, ставшими уже классиками – Д. Багалия, М. Бахтина, Л. Долгополова, С. Бураго, Д. Лихачева, А. Лосева, Ю. Лотмана, Г. Гачева и др. Ждет глубокого анализа и дискурс книги «Эстетика слова и язык писателя» (1973) Б. Ларина.

Не менее важно проанализировать дискурсы, например, С. Аверинцева, С. Бэлзы, М. Гаспарова, И. Дзюбы, Р. Громяка, Т. Гундоровой, В. Захаровой, Н. Костенко, Д. Наливайко, Е. Сверстюка, Л. Скупейко, В. Наривской, М. Наенко, В. Мусий, Л. Тарнашинской, Л. Спиридоновой, Л. Фризмана и др.

Большой интерес представляют особенности дискурсов ученых нового поколения – таких как А. Гачева, Т. Гавриш, Е. Васильев, И. Козлик, А. Степанова и др.

И особенно актуально изучение дискурсов И. Франко и Леси Украинки. Но эта работа вся впереди, как и наблюдения над спецификой дискурса О. Богдановой во второй части ее статьи «“Кто тут прав, кто виноват <...> решить не берусь...”: “Отцы и дети” И. С. Тургенева»».

Список использованных источников

1. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике / М.М. Бахтин // Литературно-критические статьи. – М.: Художественная литература, 1986. – С. 121–290.
2. Богданова О.В. Самый любимый рассказ А.П. Чехова («Студент»). Серия «Литературные направления и течения. Анализ литературного произведения» / О.В. Богданова. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2018. – Вып. 97. – 25 с.
3. Богданова О.В. Современный взгляд на русскую литературу XIX –середины XX вв. / О.В. Богданова. – СПб.: ИПК Береста, 2017. – 560 с.
4. Бурого Д.С. Жизнетворчество Александра Блока в прочтении С.Б. Бурого // Collegium. – 2016. – № 26. – С. 70–74.
5. Гадамер Г.-Г., Деррида Ж. Герменевтика і реконструкція: дискусія / Г.-Г. Гадамер, Ж. Деррида // Слово і знак. Дискурс. Антологія світової літературно-критичної думки XX ст. – Львів: Літопис, 1996. – С. 223–226.
6. Егоров Б.Ф. От Хомякова до Лотмана / Б.Ф. Егоров. – М.: Славянские литературы, 2003. – 368 с.
7. Козлик І.В. Професія крізь призму людяності / І.В. Козлик. – Івано-Франківськ: Симфонія форте, 2016. – 228 с.
8. Кротков Е.А. Философско-методологический анализ научного дискурса / Е.А. Кротков. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://discourseanalysis.org/ada13/st87.shtml> (последнее обращение 20.04.2018).
9. Набоков В.В. Иван Тургенев (1818–1883) / В.В. Набоков // Лекции по русской литературе. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/kritika-nabokova/lekcii-po-russkoj-literature/turgenev.htm> (последнее обращение 20.04.2018).
10. Пушкин А.С. Отрывки из путешествия Онегина / А.С. Пушкин // Полное собрание сочинений: в 10 т. – М.: Издательство АН СССР, 1957. – Т. V. – С. 199–213.
11. Тургенев И.С. Письма / И.С. Тургенев // Собрание сочинений: в 12 т. – М.: ГИХЛ, 1958. – Т. 19. – 695 с.
12. Фейерабенд П. Против метода. Очерк анархистской теории познания / П. Фейерабенд. – М.: АСТ; Хранитель, 2007. – 413 с.
13. Фризман Л.Г. Иван Франко: взгляд на литературу / Л.Г. Фризман. – К.: Издательский дом Дмитрия Бурого, 2017. – 608 с.
14. Чехов А.П. Письмо А.С. Суворину 7 января 1889 г. Москва: («Посылаю Вам бумажку...») / А.П. Чехов // Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. – М.: Наука, 1974–1983. – Т. 3. Письма, Октябрь 1888 – декабрь 1889. – С. 131–133.

References

1. Bahtin, M.M. Formy vremeni i khronotopa v romane. Ocherki po istoricheskoy poehtike [Forms of time and khronotop in the novel. Sketches on historical poetics]. Literaurno-kriticheskie stat'i [Literary and critical articles]. Moscow, Hudozhestvennaja literatura Publ., 1986, pp. 121-290.

2. Bogdanova, O.V. Samyj lyubimyj rasskaz A. P. Chekhova («Student»). Seriya «Literaturnye napravleniya i techeniya. Analiz literaturnogo proizvedeniya» [The most favourite A.P. Chekhov's story ("Student"). A set "Literary directions and currents. The analysis of a literary work"]. Saint-Petersburg, Filologicheskij fakul'tet SPbGU Publ., 2018, issue 97, 25 p.
3. Bogdanova, O.V. Sovremennyj vzglyad na russkuyu literaturu XIX – serediny XX vv. [Modern sight at the Russian literature of the 19th – the middle of the 20th centuries]. Saint-Petersburg, IPK Beresta Publ., 2017. – 560 p.
4. Burago, D.S. Zhiznetvorchestvo Aleksandra Bloka v prochtenii S.B. Burago [Alexander Block's creative life in S.B. Burago's perusal]. Collegium [Collegium], 2016, no. 26, pp. 70-74.
5. Gadamer, G.-G., Derrida, J. Germenevtika i rekonstrukciya: diskusiya [Hermeneutics and reconstruction: discussion]. Slovo i znak. Diskurs. Antologiya svitovoi literaturno-kritichnoi dumki XX st. [Word and sign. A discourse. The anthology of a world literary and critical idea of the 20th century]. L'viv, Litopis Publ., 1996, pp. 223-226.
6. Yegorov, B.F. Ot Homyakova do Lotmana [From Khomyakov to Lotman]. Moscow, Slavyanskie literatury Publ., 2003, 368 p.
7. Kozlik, I.V. Profesiya kriz' prizmu lyudyanosti [Trade through a prism of humanity]. Ivano-Frankivs'k, Simfoniya forte Publ., 2016, 228 p.
8. Krotkov, E.A. Filosofsko-metodologicheskij analiz nauchnogo diskursa [The philosophical and methodological analysis of a scientific discourse]. Available at: <http://discourseanalysis.org/ada13/st87.shtml> (Accessed 20 April 2018).
9. Nabokov, V.V. Ivan Turgenev (1818–1883) [Ivan Turgenev (1818-1883)]. Lekcii po russkoj literature [Lectures on Russian literature]. Available at: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/kritika-nabokova/lekcii-po-russkoj-literature/turgenev.htm> (Accessed 20 April 2018).
10. Pushkin, A.S. Otryvki iz puteshestviya Onegina [Fragments from Onegin's travel]. Polnoe sobranie sochinenij: v 10 tomah [The Complete works: in 10 volumes]. Moscow, Izdatelstvo AN SSSR Publ., 1957, vol. 5, pp. 199-213.
11. Turgenev, I.S. Pis'ma [Letters]. Sobranie sochinenij: v 12 tomah [The Complete edition: in 12 volumes]. Moscow, GIHL Publ., 1958, vol. 19, 695 p.
12. Fejerabend, P. Protiv metoda. Oчерk anarhistskoj teorii poznaniya [Against a method. A sketch of the anarchist theory of knowledge]. Moscow, AST; Hranitel' Publ., 2007, 413 p.
13. Frizman, L.G. Ivan Franko: vzglyad na literaturu [Ivan Franko: a sight at the literature]. Kiev, Izdatelskiy dom Dmitriya Burago Publ., 2017, 608 p.
14. Chekhov, A.P. Pis'mo A. S. Suvorinu, 7 yanvarya 1889 g. Moskva («Posylayu Vam bumazhku...») [Letter to A.S. Suvorin from January, 7th, 1889 Moscow ("I Send you a piece of paper...")]. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 30 tomah. Pis'ma: v 12 t. [The Complete works: in 30 volumes. Letters: in 12 volumes]. Moscow, Nauka Publ., 1974-1983, vol. 3, pp. 131-133.

Вихідною позицією, з якої утверджується правомірність і актуальність порушення проблеми – специфіка аналітичного дискурсу О.В. Богданової – слугує основоположна думка: важливо не тільки те, що написано, і як написано. Доведено, що сконцентрованість уваги на логіці викладу і на його формі є необхідною для прочитання літературознавчих текстів – особливо інтерпретаційних. Підкреслено близькість богданівських методологічних підходів до аналізу тексту художнього твору до методології О.В. Чичеріна, до його алгоритмізації. Акцентовано в аналізі О. Богданової чітке простеження єдності слова і образу, образу та композиції, композиції та ідей тургенівського тексту. Вказується на часткове застосування методів, які не є суто алгоритмічними. Установлено здійснення О. Богдановою прийому роздумів (Пол Фейерабенд), завдяки чому розкриваються не лише підтекстові, в й затекстові смисли.

Ключові слова: алгоритмізація, деструкція, дискурс, підтекст, затекстові смисли, коди, ракурс, система образів, текст.

The basic position with which it is affirmed the legitimacy and urgency of the problem – the specificity of O. Bogdanova's analytical discourse, her ways of penetrating the deep content of Turgenev's novel "Ottsy i deti" ("Fathers and Children") – serves as a fundamental thought: it is important not only *what* is written, but also *how* it is written. It is proved that the concentration of attention on the logic of

presentation and on its form is equally necessary for reading both literary and scientific texts, including literary works – especially interpretational ones. The closeness of Bogdanova’s methodological approaches to the analysis of the literary text with Chicherin’s methodology, his algorithmization, the sequence of his heuristic actions was examined by I.Kozlik on the material of the scientist’s monograph “Tjutchev’s Lyrics Style” (1975) is underlined. In Bogdanova’s analysis it is accentuated precise tracking the unity of word and image, the image and composition, the composition and ideas of Turgenev’s text, which the researcher reads, in the words of S. Burago, “as if from inside, through the author’s words, “taking into account the context of the author’s era, and that one where the destiny of the reader comes true”. At the same time, it is pointed to the partial application of methods that are not purely algorithmic, revealing “uncodifiable researcher’s skill gained in personal experience” (Ye. Krotov). The successful implementation of *the reception of reflection* by O. Bogdanova (Paul Feyerabend) is established, thanks to which not only *subtextual* but also *implied meanings* are revealed.

Key words: algorithmization, destruction, discourse, subtext, implied meanings, codes, angle, image system, text.

Одержано 3.03.2018.